

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕВОЧКИ МОИ

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

**ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

ПОД КРАСНОЙ КРЫШЕЙ

ПРИСНИСЬ

ГНЕЗДО АИСТА

КАК В КИНО

ЖИВАЯ ВОДА

ПО ДОРОГЕ В КНИЖНЫЙ

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ВЕСЕННЯЯ
ВЕСТИЦА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Дизайн переплета *Ю. Щербакова*

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Весенняя вестница / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231894-8

Художница Аля обладает редким даром оживлять свои картины и создает в них тайный мир, где живет ее единственная любовь — вымышленный доктор Линней. Когда лучшей подруге Али, яркой и жизнерадостной Геле, ставят смертельный диагноз, Аля идет на мучительное решение: открыть подруге дверь в свою сокровенную фантазию, чтобы подарить ей счастье. Этот выбор запускает цепь драматических событий, меняет судьбы и оставляет Алю лицом к лицу с утратой и памятью о принесенной жертве.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231894-8

© Лавряшина Ю., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

* * *

Через окно на меня смотрят глаза тополя. Три темных глаза расположены не как у человека, а один над другим. В этой вертикальности взгляда есть что-то неземное. Не инопланетное, не фантастическое, а просто не принадлежащее тому уровню земной жизни, на котором находились мы с тобой. А теперь только я...

Может, оттуда, где ты теперь, устремленный ввысь взгляд тополя не кажется странным. Я пытаюсь увидеть это твоими глазами и тоже нахожу в таком расположении единственно возможную правильность — все земное должно тянуться к небу. Только эта высокая тяга и может оправдать то, что Земля по-прежнему каждому из нас кажется плоской, ведь голубой шар, зависший в космосе, был увиден не нами лично... Два глаза позволяют определять объемность предметов, но мир в целом мы видим будто бы одним глазом. У тополя их три.

Я смотрю из окна в ту сторону, куда уходит солнце. За тот край света, где теперь ты. И вижу тебя там, хотя ты вполне можешь оказаться в другом месте. Или нигде. Или везде. Этого я не узнаю до тех пор, пока не соберусь с духом пойти за тобой следом. Но сейчас, пока

это не произошло, мне нравится думать, будто тебя увело с собой солнце. Когда протягивают такую горячую руку, кто найдет в себе силы отказаться?

Мне хочется спеть о тебе, но у меня никогда не было слуха. Выразить бы свою боль пластикой, только никто не учил меня танцевать. Я умею переносить на холст свои фантазии, а лица не даются мне. И потому я рисую дорогу, по которой ты уходишь и уходишь... Не от меня. К солнцу. Об этом думать легче...

У меня никогда не возникало желания что-либо сочинить, и сейчас я тоже хочу рассказать все без прикрас — какими были мы, и что с нами произошло. Хотя помню: это сулят все рассказчики, какую невероятную небылицу они ни собирались бы поведать миру. Сила этих историй в том, что они сами верят в их подлинность. И, в зависимости от степени таланта, верят более или менее.

Может, как раз мне и не поверят, но это не пугает. Мне просто нужно высказаться. Наверное, хотя бы раз в жизни эта потребность одолевает каждого, и тут уж ничего не поделаешь. Можно даже не искать слушателя, а, как писали в старых романах, «довериться бумаге». Как раз это я и собираюсь сделать.

Только не стану доказывать достоверность истории обилием физиологических подробностей, выдумать которые ничуть не сложнее, чем создать Маленького принца. Их не будет вообще, ведь любая оскорбила бы тебя. Эти отвратительные детали отличаются способностью застревать в памяти людей и не забываться со временем, а становиться только выпуклее. Они назойливо лезут внутрь запахами, болезненными цветами, которые то становятся обостренно-яркими, то смешиваются бурой, дряблой массой. Ничего этого не будет. Не потому, что не было на самом деле... Но все эти мер-

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

зости не имели к тебе никакого отношения. Только к твоей болезни.

Ты — это совсем другое. Ты — рассвет ясного дня, от одного взгляда на чистую, не поддающуюся времени красоту которого становится весело и хочется жить. Не просто есть, спать и чистить зубы, а бежать навстречу удивительному чуду возрождения дня, глотая морозный или жаркий ветер, и обгонять всех, любых, самых юных, самых быстрых. И, главное, действительно верить, что тебе под силу это сделать...

Теперь я могу только вспоминать о том, как хотелось этого, ведь без тебя не хочется вообще ничего. Но мне тяжело говорить «я» и «ты». Я постараюсь рассказывать о нас, как о посторонних, в третьем лице, которое само по себе — отстранение, отчуждение. Так моя рука не иссохнет от тяжести, ее имеет только собственная боль. Чужая, как ни любили бы мы человека, всегда легче.

Я прикинусь не собой, чтобы просто договорить.

* * *

— Но я же все вижу: он подглядывает и дергает нитку!

Узкие тени на стенах встрепенились и задвигались, пытаясь совпасть с телами, без которых не существовали. Но такое случается, если только свет падает вертикальным столбом, напрямую соединяя небо с землей, а человека с его тенью. Сейчас же свеча стояла сбоку, на тумбочке, чтобы не занимать место на столе, где был разложен большой круг с воткнутой в центре иглой, которую вызванный ими дух должен был оживить.

Когда брат расправил свое бумажное творение, Алька случайно взглянула поверх его плеча и увидела вокруг луны такую же круглую, огромную тень. И от этого ей

стало немного не по себе... Ничего не сказав ни Мите, ни Геле, она подобралась к окну поближе и подумала, что еще ни разу не замечала столь зловещей красоты. Луна была не совсем полной, похудевшей с одного боку, и эта ущербность словно подтверждала нерадостную догадку: мрак начал пожирать свет. Это уже происходит. Как раз в канун Крещения...

— Дергаешь, конечно, — не унималась Геля. — Иначе с чего бы дух Шекспира стал разговаривать с нами по-русски? Сам-то подумай!

Выпустив хвостик нитки, Митя открыл глаза и сердито сказал:

— Вы мне уже надоели. Мало того, что я участвую в вашем дурацком гадании, так они еще и не доверяют мне! Ну и делайте все сами, раз так.

У него была манера говорить как бы самому себе, даже не оборачиваясь к собеседнику и пристально глядя в выбранную точку. В детстве над ним издевались за это, но Митя своей привычки не изменил, ведь Геля в травле не участвовала. А остальных он умел не замечать.

— Перестаньте ссориться, — попыталась уговорить их Алька. — Вам по тридцать лет, а вы скандалите, как маленькие, из-за какой-то нитки.

Ей показалось, что глаза подруги насмешливо блеснули, быстро вобрав и выпустив огонек свечи.

«Какая же я дура! — про себя ужаснулась Аля. — Разве можно при нем говорить о маленьких?!»

Ее брат-близнец был роста, скорее, среднего, но рядом со Ангелиной, которая и выше-то была совсем немалого, он съеживался. И Алька чувствовала: брат постоянно помнит, до чего у него знатный нос, а весь он слишком худ и неразвит, как мальчишка. В его близко посаженных глазах, даже когда Митя улыбался, темне-

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

ла тоска, хотя занудой он никогда не был, и время от времени веселился вовсю. Но и в те минуты, когда брат бывал от души беззаботен или от души пьян, у него сохранялся взгляд человека, которому никак не удастся забыть: единственно желанное им счастье под запретом.

Она украдкой глянула на Гелю, которая все еще пыталась вынудить Митю признаться, что он подсматривал. Сейчас ее глаза казались совсем черными, ведь в комнате было мало света, а ресницы, как и волосы, были очень темными и густыми — Геля ни разу в жизни их не подкрашивала. На свету же ее глаза оказывались светло-карими, почти янтарными, но Алька подозревала: они не с рожденья были такими, а посветлели, когда душа их подруги расцвела, окрепла и стала излучать свет. Многим Геля казалась чересчур красивой, чтоб у нее могло оказаться доброе сердце... Аля с братом знали ее почти всю жизнь и успели убедиться в обратном.

Хоть сейчас она и цеплялась к Мите, это было не более чем безобидной игрой. Геле просто нравилось иногда поддразнивать его, ведь она догадывалась, как он рад и этому. Она замечает его — уже хорошо!

— Давайте лучше вызовем кого-нибудь другого, — предложила Алька, уловив, что брат начинает нервничать. — А то с этим Шекспиром вечная неразбериха... То ли он был вообще, то ли нет. Может, не одного духа надо вызывать, а двоих? И тогда они разговоятся...

Геля сначала взглянула на нее с веселой рассеянностью, как будто не совсем понимала, о чем идет речь, а потом вдруг посерьезнела.

— Не верю я в эту бредовую легенду о супругах, писавших под именем Шекспира, — сказала она, продолжая обращаться к Мите, но уже с другим выражением. — Разве можно писать о любви с кем-то на пару? Вдвоем «Анжелику» можно состряпать, но не «Гамлета».

— Может, они были настолько близки духовно, что чувствовали, как один, — угрюмо заметил Митя, обводя пальцем нарисованную букву «Г».

— Ну всякое бывает!

Алька легонько пнула подругу под столом. Было ясно: брат пытается в очередной раз подвести Гелю к мысли, будто даже между ними возможен брак. Как она ни старалась, Митя до сих пор не мог поверить, что этому не бывать никогда.

«Почему? — вопрошали его тоскующие глаза. — Ведь мы же старые друзья... Мы нужны друг другу...»

Алька посмотрела на хмурое лицо брата, пытаясь отвлечь его на себя. Когда-то в юности Митя объявил, что разгадал тайну ее взгляда. «Какую тайну?» — Алька тогда страшно удивилась. Коротко посмеиваясь, он объяснил: серый кружок ее правого глаза чуть смещен к центру. Почти незаметно, но эта едва уловимая косина придает взгляду сестры выражение удивленной и трогательной доверчивости.

«Поэтому, когда я собираюсь тебе всыпать, смотри мне прямо в глаза, тогда у меня рука не поднимется», — великодушно подсказал Митя.

Ему всегда необъяснимо нравилось то, что они — разнояйцовые близнецы, и в детстве он часто повторял это к месту и не к месту. Посторонним даже трудно было признать в них брата с сестрой, ведь длинная носатая Митина физиономия не имела ничего общего со скуластой курносой Алькиной мордочкой, в которой не находилось ничего особенного, кроме цепляющего за сердце взгляда.

Он-то и поймал семилетнюю Гелю, когда брат с сестрой только переехали в новый двор после развода родителей. Красивая девочка с густым черным хво-

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

стом шла по двору, откровенно задрав нос, но, мельком взглянув на сидевшую в песочнице Альку, замерла, точно запнувшись. С минуту она беззастенчиво рассматривала новенькую, а потом с неожиданным состраданием спросила: «Девочка, кто тебя обидел?»

Алька, которая чувствовала себя превосходно, сразу сдружившись с дюжиной девчонок, честно ответила: «Никто». Но Геля не поверила. Митя подозревал, что она до сих пор пытается выяснить: от кого же следует защищать его сестру?

Через несколько дней они встретились в художественной школе и с тех пор уже не отпускали друг друга, хотя и записались на разные отделения. Ангелина решила заниматься лепкой, Альке же хотелось рисовать. Этим она и занималась до сих пор, так больше ничему по-настоящему и не научившись. А Геля возвращалась к лепке только в периоды депрессии или просто устав от сумасшедшей работы на радио, где была и диджеем, и коммерческим директором. Теперь свое детское пристрастие она называла «материальной медитацией» и утверждала, что ее завораживают собственные движения.

А вот насчет собственных художественных способностей Геля никогда не заблуждалась, даже в пору тщеславной юности, и открыто признавала, что талант — это у Альки, а она так... отдыхает душой. Тем не менее сняла целый этаж, в одной квартире поставила печь для обжига и притащила туда все необходимые материалы, а в другой устроила мастерскую для Альки, которая сюда и переселилась.

Сама Геля здесь ночевать не оставалась: если она не возвращалась домой, отец начинал распекать мать, и это могло растянуться до утра. Дочь жалела ее...

— Так что будем делать? — вмешалась Алька, надеясь прервать неловкий разговор. — Может, попробуем Есенина? Помните, в детстве мы его вызывали?

— И что он тебе наобещал? — спросил Митя, как ей показалось, с облегчением.

Безотчетным жестом заправив за ухо волосы, как делала, когда терялась, Аля смущенно призналась:

— Да я и не помню...

— И я тоже! Потрясающе! — опять расхохоталась Геля, но следом вдруг сморщилась, прислушавшись к чему-то.

Алька, которая все замечала, сразу встревожилась:

— Ты что?

— Да ерунда! Желудок, что ли... Верите, я до сих пор не знаю, где у нас что находится!

— Аппендикс справа, — заявил Митя тоном старого патологоанатома. — Такой, знаете ли, мерзкий отросточек...

— Только его мне сейчас не хватало, — Геля опять на секунду затихла. — Вроде отпустило. Господи, времени-то сколько! Через шесть часов у меня эфир, поеду-ка я домой.

Алька сделала умоляющие глаза:

— Может, останешься? Позвони своим. От нас тебе ближе добираться.

Геля обвела взглядом голые стены мастерской, которая второй год служила домом брату с сестрой. В той единственной комнате в другом районе, где жили их мать с дедом, работать Альке было негде. Потом как-то само собой вышло, что Митя тоже перебрался сюда и остался, хотя дед уже умер. Алька соседству брата, казалось, только обрадовалась, а Геля не стала возражать, хоть иногда Митя и доводил ее до иступления. Но она знала его слишком давно и отчетливо различала на дне

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

его круглых глаз причину тоски, которой они были полны.

— Может, и останусь, — произнесла она с раздумьем, будто это бог весть какой сложности был вопрос и решать его на ходу казалось преступным.

Знакомо усмехаясь, отчего его прямой рот лишь чуть-чуть растягивался, Митя спросил:

— А ты знаешь, что мы просыпаемся под звуки твоего голоса? Алька включает радио прежде, чем добежать до горшка.

— Знаю, — Геля улыбнулась и подмигнула подруге. — Но у меня ведь не каждый день утренний эфир.

— Вот-вот! Скажи это своему начальству. Других моя сестра и слушать не хочет.

— У них языки деревянные, — пробормотала Аля, хотя вроде и не было нужды оправдываться.

Засмеявшись, Геля незаметно прижала руку к животу, но отозвалась так же весело:

— А у меня без костей! Это точно. Но только когда включается микрофон. Так странно... Знаете, во мне самой будто что-то переключается и — понесло!

— Это приятно? — с любопытством спросила Аля.

— Так же, как тебе рисовать, — ничуть не сомневаясь в уместности такого сравнения, ответила Геля.

У Мити снова смешливо задергался рот:

— Особенно приятно, что тебя слушает целый город!

— Нет, — отозвалась она не сердито, но сухо. — Не это самое приятное. Я себя открываю, вот что! Без микрофона я как все. А стоит выйти в эфир, у меня сразу и мысли откуда-то появляются, каких не было сроду. И речь сразу гладкой становится.

— «...точно реченька журчит», — вставил Митя.

Геля улыбнулась ему с сожалением:

— Тебе не верится?

— Верится. Вот я всегда одинаковый. Ничто во мне не переключается.

— Сочувствую.

— Чему? Разве это не говорит о моей цельности? — он усмехнулся, понимая, что ни о чем подобном это не говорит.

Алька поспешила ответить за нее:

— Конечно. Я тоже всегда одинаковая.

— Ты?! Потрясающе! — Геля покачала головой с выражением неподдельного изумления, словно человек с тремя ногами пытался уверить, будто он такой же, как все.

Уловив это, Митя подумал: в самом деле, не его сестре говорить это о себе. Ее бесхитростные, неяркие глаза видели мир не таким, каким мог разглядеть его сам Митя. И так было всегда. Алька переносила на холсты кусочки мира, и мастерская постепенно прорастала другой реальностью. Неизменно вызывавшей удивление и беззлобную зависть... Всматриваясь в работы сестры, Митя думал: наверное, ему жилось бы намного легче, если б он так же мог существовать в двух реальностях. И делить свою тоску надвое.

* * *

— Алька, покажи чудо, — вдруг попросила Геля совсем по-детски и легко скользнула на диван, где сидеть было удобнее, хоть он и стал совсем старым, отчаянно трещащим.

Обхватив колени, она уселась так, что длинные волосы почти укрыли ее всю. Это напомнило Мите какую-то картину, только он не настолько хорошо разбирался в живописи, чтобы вспомнить название. Если

ВЕСЕННЯЯ ВЕСТНИЦА

и просматривал альбомы, то лишь за компанию с Алькой, которая относилась к этому, как к священнодействию.

— Покажу, — пообещала та, не смутившись, ведь для художника творить чудеса — обычное дело.

Правда, сейчас речь шла не о рисовании, и все трое это отлично понимали.

— Только сначала позвони домой, а то дядя Толя оторвет нам потом головы.

Не споря, Геля протяжно вздохнула:

— Митя, дай сумку.

Он подал ей, но не сразу выпустил кожаный ремень, чтобы Геля потянула. Это могло создать хотя бы иллюзию соприкосновения, какого он ждал. Ведь если Геля и касалась его, то всегда слишком по-родственному. До обидного...

Но и сейчас тоже ничего не вышло. Она рассеянно рванула сумку, даже не заметив его уловки, и, покопавшись, извлекла телефон.

— От сотовых возникает опухоль мозга, — зловещим голосом произнес Митя, пытаясь, хоть напугав, привлечь ее внимание.

— Типун тебе на язык! — сердито бросила Алька и на этот раз с силой пнула под столом брата.

Сделав вид, будто ничего и не почувствовал, он безразлично спросил:

— Убирать ваш магический круг? Зря только возился с ним. Кучу времени потратил...

— Да ты за пять минут его сляпал!

— Ну! Может, я настраивался целый час.

Набрав номер, Геля сказала, дожидаясь, пока стихнут гудки:

— Ты раскачиваешься, как Царь-колокол.

— На что раскачиваюсь? — замер он.